

ФЕНОМЕН ПЕРЕЖИВАНИЯ: КУЛЬТУРНЫЕ ГРАНИ И РАКУРСЫ

УДК 130.2:1(091)д

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-1105-6-18>

Е. В. Золотухина-Аболина

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская федерация

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5954-2758>

e-mail: elena_zolotuhina@mail.ru

Аннотация: Статья ставит своей задачей рассмотреть разные грани феномена переживания, понятого как целостный комплекс образов, смыслов, эмоций, мыслительных актов и настроений, как качественно определенный жизненный интервал (В.Б. Мелас). Реализуемый в статье подход отличается от психологического, где акцент по большей части делается на эмоции и текущую ситуацию. Автор апеллирует к идеям и культурным ситуациям, характерным для последних полутора столетий в европейской культуре. В статье подчеркивается собственно-человеческий статус переживания, который выражается в возможности рефлексивной обращенности как к воспоминанию о пережитом, так и к текущему состоянию. «Интервал переживания» рассматривается как способный стать типизированным, повторяться, воспроизводиться в разных культурных условиях и ситуациях. В статье отмечается ряд устойчивых культурно-психологических характеристик переживания, позволяющих выделить: допустимые и недопустимые переживания; обязательные переживания; скрытые и явные переживания; наличие моды на переживания. В выводах подчеркивается, что переживания служат основанием для оценки социо-культурных качеств человека, выполняют роль регуляторов и организаторов поведения, создают мощные идейно-эмоциональные линии в культуре, формируют сферу врезывания и развлечения. Однако вне своего объективированного статуса и внешней регуляции они просто самоценны и составляют важнейшую сферу индивидуального сознания, осуществляя «связь времен» личного бытия. В конце статьи подчеркивается важность культивирования такого типа переживания как «воля к радости».

Ключевые слова: переживание, культура, человек, смыслы, эмоции, допустимое/недопустимое, обязательное, скрытое/явное (демонстративное), мода, страдание/радость.

Для цитирования: Золотухина-Аболина Е.В. Феномен переживания: культурные грани и ракурсы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 1 (105). С. 6-18. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-1105-6-18>

ЗОЛОТУХИНА-АБОЛИНА ЕЛЕНА ВСЕВОЛОДОВНА – доктор философских наук, профессор кафедры зарубежной и отечественной философии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета

ZOLOTUKHINA-ABOLINA ELENA VSEVOLODOVNA – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Foreign and Domestic Philosophy of the Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences of the Southern Federal University

© Золотухина-Аболина Е. В., 2022

EXPERIENCE: CULTURAL BORDERS AND ASPECTS

Elena V. Zolotukhina-Abolina

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5954-2758>

e-mail: elena_zolotuhina@mail.ru

Abstract: The article aims to consider different aspects of experience, understood as an integral complex of images, meanings, emotions, mental acts and moods, as a qualitatively defined life interval (Vyacheslav B. Melas). The approach implemented in the article differs from the psychological one, where the emphasis is mostly on emotions and the current situation. The author appeals to the ideas and cultural situations characteristic of the last century and a half in European culture. The article emphasizes the actual human status of the experience, which is expressed in the possibility of reflexive appeal both to the memory of the experience and to the current state. The 'experience interval' is considered as capable of becoming typified, repeated, reproduced in different cultural conditions and situations. The article notes a number of stable cultural and psychological characteristics of the experience, which make it possible to distinguish: 1. Permissible and unacceptable experiences; 2. Mandatory experiences; 3. Hidden and explicit experiences; 4. The presence of a fashion for experiences. The conclusions emphasize that experiences serve as a basis for assessing the socio-cultural qualities of a person, they act as regulators and organizers of behavior, create powerful ideological and emotional lines in culture, form the sphere of time and entertainment. However, outside of their objectified status and external regulation, they are nothing but self-valuable and constitute the most important sphere of individual consciousness, carrying out the 'connection of times' of personal existence. At the end of the article, the author emphasizes importance of cultivating such a type of experience ('will to joy') is emphasized.

Keywords: experience, culture, person, meanings, emotions, permissible/unacceptable, obligatory, hidden/explicit (demonstrative), fashion, suffering/joy.

For citation: Zolotukhina-Abolina E.V. Experience: Cultural Borders and Aspects. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 1 (105), pp. 6-18. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-1105-6-18>

Введение

Тема этой статьи – феномен переживания и его разные грани в культуре. Слово «переживание» широко встречается как в психологических, так и в философских работах, но применяется оно нередко без определений, поскольку присутствует в обыденной речи. Тем не менее, ряд исследователей предлагают свое видение этого понятия, и, опираясь на одно из них, мы намереваемся разобраться в том, как переживание представлено в контексте культуры, вписано в социо-культурные практики. И хотя, конечно, нельзя пройти мимо психологических характеристик переживания, данных Л.С.Выготским[2],

и С.Л.Рубинштейном[14], речь в статье все же пойдет о *философском видении* переживания, которое в своих истоках восходит к работам В.Дильтея [6], Г.Зиммеля [7], О.Шпенглера[20], а также было рассмотрено в исследовании Г.-Г.Гадамера «Истина и метод» [3].

Понятие «переживание» в психологической литературе употребляется, прежде всего, для характеристики текущих эмоций, для описания ситуативной душевной жизни. Несколько иное понимание переживания принадлежит Ф.Е.Василюку [1], рассмотревшему его как работу по преодолению кризисных психологических состояний. Мы же избираем в качестве методологической опоры, скорее, феноменологический подход, изложенный

в работах В.Б.Меласа [12]. Этот автор видит в переживании *целостный комплекс* образов, смыслов, эмоций, мыслительных актов, настроений, который впоследствии, *post factum* может быть описан. Такой комплекс всегда несет в себе как душевную работу, так и моменты созерцания, чувство и смысл в нем едины, мысль, ощущение, оценка глубоко связаны и переплетены. Синкретичность переживания находит выражение в воспоминании и пошаговом описании, стремящемся к интеграции впечатлений. Переживание, таким образом, составляет некий континуальный «*интервал*» внутренней жизни, где составные и фазы можно выделять с определенной степенью условности. Переживание, понятое как качественная целостность, лишь отчасти дано в режиме актуального времени, сливаясь с течением настоящего, оно является становящимся. Присутствующая при этом рефлексия не бывает полной, однако она сопровождает, дополнительно мотивирует, всесторонне обогащает мировосприятие, придает действию особый экзистенциальный тон. Переживание-интервал способно многократно повторяться, хотя и с вариациями, а также может охватывать длительные периоды времени. Именно это делает его важным фактором культурной жизни, придает ему целый ряд социо-культурных функций.

Понимая, что поднимаемая тема «культурной сути» и «культурной роли» переживания огромна и богата по направлениям исследования, мы лишь ставим в данной статье *задачу прочертить некоторые возможные векторы анализа избранного сюжета*.

Переживание – чисто человеческое явление

Переживание, понятое в качестве «интервала душевной жизни», выступает как *исключи-*

тельно человеческое свойство. Подчеркнем еще раз, что оно не равно понятию чувства или эмоции, и даже комплекса эмоций. Здесь нельзя не сослаться на психологическую литературу, тем более, что грань между философией и психологией в вопросах сознания достаточно проницаема. В интегративном исследовании Е.П. Ильина сказано: «Современных ученых, рассматривающих соотношение чувств и эмоций, можно разделить на четыре группы. Первая группа отождествляет чувства и эмоции или дает чувствам такое же определение, какое другие психологи дают эмоциям; вторая считает чувства одним из видов эмоций (эмоциональных явлений); третья группа определяет чувства как родовое понятие, объединяющее различные виды эмоций как формы переживания чувств (эмоции, аффекты, настроения, страсти и собственно чувства); четвертая — разделяет чувства и эмоции» [9 С.283.].

Чаще всего человеческие чувства (не ощущения) рассматриваются как сложные устойчивые образования, имеющие определенный предмет [10] (например, «социальные чувства» - ответственность, гражданственность, любовь и т.д.), в то время как эмоции видятся в качестве ситуативных проявлений, реакций на значимые для субъекта моменты. В то же время термин «чувства» нередко связан с модальностями (зрение, слух, осязание), а также с субъективной данностью мира как проявлением потребностей (чувство голода, жажды и т.д.). Эмоции и чувства, понятые как проявление потребностей, присутствуют и у животных. Странно было бы видеть в других живых существах лишь машины, как это происходило в Новое время. Об эмоциональных проявлениях животных написано достаточно много, в данном случае можно упомянуть хотя бы работы знаменитого этолога

К.Лоренца [11], а также работы отечественного автора Д.А.Жукова [8]. Однако даже домашние животные, которые эмоционально общаются с людьми и не лишены определенных моментов памяти, не обладают *переживаниями в указанном нами выше смысле слова*. Нельзя не согласиться с Максом Шелером, который, сравнивая человека и животное, пишет: «Только человек – поскольку он личность – может возвыситься *над собой* как живым существом и, исходя из одного центра как бы *по ту сторону* пространственно-временного мира, сделать предметом своего познания *все*, в том числе и себя самого» [18, С.60]. *Переживание* – это и есть способность, во-первых, подняться над текущим моментом, выйти, обернувшись назад, из наличных обстоятельств, чтобы вновь пройти в своей душевной жизни уже пройденный путь, давая ему оценку и интерпретацию. Во-вторых, это умение в ходе поведения и деятельности, не полностью сливаться с ними, а одновременно отстоять на некотором внутреннем расстоянии – одновременно действовать, чувствовать, созерцать и рефлексировать, то есть, *переживать* текущий момент во всей его полноте. Хотя в этом последнем случае, как мы уже отметили, переживание имеет лишь тенденцию к целостности и обретет эту целостность по окончании того, что мы называем «настоящим временем»¹.

Являясь чисто человеческим качеством, всегда принадлежащее конкретному субъекту, переживание возможно лишь в рамках культуры, которая предполагает *повторяемость и типизацию*. Не лишне вспомнить А.Шюца, который пишет: «Во всех ...формах социальных взаимодействий (даже в отношениях между товарищами в той мере, в какой это касается

нераскрытых сторон личности Другого) сущность другого человека может быть схвачена, используя ранее цитированное выражение Уайтхеда, с помощью «вклада в воображение гипотетически представляемого значения», т.е. формирования конструкторов типичного поведения, типичных мотивов, лежащих в его основании, типичного отношения к персональному идеальному типу, примером которого является поведение Другого, как в пределах, так и вне поля моей досягаемости» [21 С.19]. Соглашаясь с позицией феноменологической социологии, можно сказать, что и переживание, актуально всегда принадлежащее уникальному человеку и его неповторимой истории, в контексте общественной жизни обретает множество *типизированных форм*, становится и способом времяпровождения, и способом мотивации, и необходимым предшественником деятельности. В культуре возникает целый спектр *моделей переживания*, которые играют разные роли, выполняют многообразные функции, регулируя и направляя человеческую жизнь, организуя ее.

Разумеется, «модели переживания», представленные разными способами – от прямого подражания до письменных наставлений – и предлагающие «мыслить и чувствовать также», всегда интерпретируются индивидами и приобретают вид *личного опыта*. Они нередко протекают во внутреннем мире, вообще не проявляя себя очевидным образом, скрываясь в глубине души или под покровом ночи. И, тем не менее, они в массовом масштабе являются «*вариацией на тему*» – тему, заданную временем и культурой. Не претендуя на полноту охвата, обратимся к некоторым способам функционирования переживания в контексте культуры. Каждый из таких способов может стать объектом развернутого исследования.

¹ Автор придерживается представления, что настоящее время – не мгновение, а длящийся период, который может занимать разное количество темпоральных мер (минут, часов, дней, лет).

Допустимые и недопустимые переживания

Переживания могут быть допустимыми и недопустимыми. Даже если не соглашаться с З.Фрейдом [17] в том, что культура – это система запретов, приводящая к неврозам и лишаящая человека естественных удовольствий и радостей, то все равно нельзя не признать ее регулятивно-нормативную роль. А регуляция и нормирование (та же, уже упомянутая типизация) предполагает, что какие-то проявления и поведения, и душевной жизни, утверждают и одобряются, а какие-то рассматриваются в качестве нежелательных и недопустимых. Собственно, именно З.Фрейд и принадлежит явное указание на то, что целый ряд видов переживания, реально захватывающих человека, спонтанно повторяющихся и сохраняющихся в памяти, выступают для наличной культуры *недопустимыми, запретными и позорными*, даже если о них никто не знает. В рамках фрейдовской теории Эдипова комплекса это, в первую очередь, не одобряемые общество сексуально-эротические влечения, которые, конечно же, выступают именно как переживания во всей полноте развертывающихся перед воображением картин. Как показывает в своих работах Фрейд, множество внешне благополучных и благообразных людей предаются переживаниям, которые выступают как тайные и стыдные, именно потому, что социум сурово осуждает их – не только возможное действие, но и его *нереализованный внутренний образ*. Оттого эти переживания скрыты и нередко проявляют себя в инвертированных формах, вызывают неврозы.

Обратим внимание на то, что задолго до Фрейда в христианской культуре, придающей большое значение внутреннему миру, многие переживания, охватывающие чело-

веческую душу, рассматривались как крайне нежелательные и осуждаемые. Собственно, любое *моральное воспитание* связано с привитием представления о тех переживаниях, которых порядочному человеку следует избегать: например, состояний зависти, злобы, уныния, вожделения по отношению к людям, связанным узами брака. Зависть или уныние – не отдельная эмоция, не просто минутная вспышка, это целостный комплекс чувств, мыслей и интенций, имеющий порой, не только наблюдаемый извне прототип, но и некую фазу личного опыта. Любые отвергаемые и осуждаемые культурой переживания способны повторяться, занимая разные темпоральные периоды в жизни человека: иногда, например, ревность бывает относительно ситуативной, а порой охватывает годы и десятилетия жизни.

В то же время, культура предлагает ряд внутренних состояний как *образцовых, достойных подражания*. Важно, что это не просто морализаторские поучения, холодные, эмоционально-нейтральные или же рациональные аргументы в пользу того или иного поведения. Речь идет именно о *переживаниях*, о могучем эмоционально-смысловом комплексе, захватывающем человека. В европейской культуре, как, впрочем, и у других конфессий, образцами одобряемого переживания нередко выступают высокие переживания *героев и святых*. Герои, защищающие родину, испытывают праведный гнев к врагам, высокое сострадание к страждущим, они охвачены стремлением к справедливости. Святые, хотя и претерпевают муки, в первую очередь переживают любовь к Богу, жалость к заблудшим душам, ощущают на себе благодать высшего начала и миссию вести человечество к лучшему. Если же не останавливаться на сакральных

образцах, то одобряемыми переживаниями в том же христианстве полагаются смирение – как умение бестрепетно переживать удары судьбы и способность находить в них глубокий смысл, благожелательство к ближнему, надежда на лучшее и вера в бесконечную доброту Бога.

В советский период в качестве вменяемых и одобряемых переживаний выступало переживание коммунистического *энтузиазма*, который вел индивидов к практической борьбе за дело мирового пролетариата, чувство верности делу партии, товарищеская честность, мужество, сознательная устремленность к преобразованию жизни на основе принципов марксистско-ленинского учения. И, поскольку, именно энтузиазм был прокламируемым переживанием №1, постольку переживания сомнения, уныния, пассивности, страдания, эскапистские тенденции рассматривались как осуждаемые и недопустимые. В силу этого все «эталонные персонажи» популярных фильмов, в особенности, 30-х-50-х годов XX века, это персонажи простые и бодрые: их внутренний мир целостен, и позволены им, в крайнем случае, любовные страдания, но не сомнения в деле социального строительства.

Примечательно, что одни и те же комплексы переживаний в разные периоды социальной жизни, также как в разных культурах, могут приобретать то статус одобряемых, то осуждаемых. Так, во время войны резко сужается позитивная роль жалости и опасливости, но одобряется гнев и прославляется переживание храбрости и бесстрашия, даже жертвенности, отходящие в мирное время на второй план. Существуют и гендерные различия: сугубо «женские переживания» считаются не подходящими для мужчин, призванных к более суровой душевной жизни.

Обязательные переживания

Исторически и государства, и церкви, и политические партии, не говоря уже о разного рода военных и мистических сообществах, *культивируют* у своих членов и граждан определенный тип переживаний, выступающих и как элемент повседневной жизни, но, прежде всего, как часть сакрального ритуала. Пение гимна, поднятие флага, торжественное собрание, коллективное богослужение – все эти обрядно-ритуальные процедуры, призванные создать единство сообщества и укрепить его ценностные ориентиры, непременно должны сопровождаться достаточно сильными переживаниями торжественности, единения, солидарности, вызывать возвышенные чувства и образы, символизирующие нерушимость конкретного человеческого союза.

Ярким примером такого обязательного переживания, без которого проводимая процедура теряет всякую значимость, выступает один из столпов ислама мусульманский намаз, осуществляемая пять раз в день молитва Аллаху. Об этом следующим образом пишет руководитель Российского Духовного управления мусульман Р.Гайнутдин: «Сердце молящегося должно быть бодрым, а разум ясным, в молитве мусульманин глубоко чувствует величие всего, что сотворено Аллахом и верит в то, что именно Господь направляет ход всех событий, ощущает Его безграничное могущество в любой вещи и любом событии. В молитве мусульманин уповает на Аллаха, на Его милость, обращается к Нему за помощью и верным руководством» [4 С.483]. То есть, всякий раз при совершении намаза, мусульманин – в далеком ли прошлом или в современную эпоху - не просто стоит на коленях и бьет поклоны. Механическое исполнение ритуала не имеет никакого смысла,

верующий должен в полной мере переживать свое обращение к Аллаху, собственную покорность ему, готовность принять любую волю и любое повеление Всевышнего, он должен всякий раз возвращаться к чувствам священного страха, восхищения, умиления и надежды.

Собственно, то же самое касается христианской молитвы или даже просто пребывания близ храма, исполненного возвышенного переживания. О нем Рудольф Отто пишет: «...лишь одно наименование близко подходит к выражению существа дела: чувство *mysterium tremendum*, заставляющее таинство трепетать. Это чувство может пронизывать душу мягким потоком, в форме успокаивающе парящей погруженности в молитву. Оно может своей непрестанной данностью потрясать душу, а затем трепет ее оставляет и она вновь возвращается в профанное. Неожиданными вспышками, порывами оно может вырываться из души. Оно способно приводить к странному волнению, упоению, восторгу и экстазу. У него бывают дикие и демонические формы. Оно может повергать в какой-то почти призрачный ужас и дрожь. Ему могут предшествовать грубые и варварские ступени и проявления, переходящие в тонкий перезвон и просветленность. Оно может стать тихим, смиренным содроганием и онемением твари перед... — да, перед чем? Перед тем, что в несказанной тайне возвышается над всяким творением» [13 С.22].

Если у верующего нет подобных переживаний, он как бы и не совсем верующий. Точно также военный, равнодушный к полковому знамени, политик, не испытывающий пиететных переживаний в отношении лидера — не вполне полноценные члены сообщества. Переживание в данном случае — маркер реальной причастности к вере, группе, доктрине. Вот почему в социуме и культуре всегда стоит вопрос об *искренности* членов сообщества, о том,

в самом ли деле люди испытывают чувства братства и верности или же являются лишь холодными прагматиками, которые имитируют преданность идее, вере, организации. Поскольку переживание — это состояние субъективное и, как мы уже отметили, может происходить без внешних демонстраций, о нем нередко можно судить лишь по косвенным признакам — мимике, пантомиме. А искренность даже демонстрируемого чувства, проверяется лишь в практике жизни — в ситуациях реального выбора поведенческой линии. Но в любом случае, начиная от Платона, многие идеологи, занятые состоянием общественного сознания, настоятельно рекомендуют политикам организовывать у граждан с помощью искусства необходимый властям «поток переживаний», обязательный для консолидации социального организма.

Скрытые и явные (демонстративные) переживания

Животные, у которых нет переживаний в человеческом смысле, но есть эмоции, хотя и проявляют порой хитрость, в большинстве случаев не скрывают своих реакций на происходящее. В этом отношении они всегда открыты и достаточно непосредственны. Однако развитие культуры, в рамках которой становится и укрепляется человеческая личность, уже в архаических обществах требует подавления демонстрации своих переживаний, воспитания сдержанности в одних случаях и яркой демонстрации состояний внутреннего мира — в других. И, если в ритуальной ситуации можно и нужно обнаруживать переживания скорби или любви, то в ситуации угрозы мужчине запрещено демонстрировать страх, вспоминать о пугающем, делять свою

боязнь, идущую из прошлого, в то время как женщина обязана скрывать, например, свой накопленный гнев по отношению к мужу, отцу семейства и должна прятать его за показной покорностью.

Конечно, в разных культурных регионах в зависимости, в том числе, от темперамента населения, принято большее или меньшее обнаружение своих настроений и душевных тревожений, воспоминаний и актуальных состояний ума и чувства. Согласно суждению обыденного сознания, северяне более сдержаны и погружены в свои переживания, в том числе в воспоминания, более замкнуты во внутреннем мире, в то время как горячие южане легко проявляют свои глубинные переживания, активно их объективируют в словах, пантомиме, во всех формах телесной выразительности, стремясь сделать внутреннее – внешним, заставить другим сопереживать им. Трудно сказать, так ли это, видимо, выражаясь языком К.-Г.Юнга [22], моменты интроверсии и экстраверсии есть у представителей любых народов. Однако, несомненно, что на разных этапах отечественной и западной культуры меняется представление о том, насколько переживание, в том числе интимно-личное воспоминание, должно стать *достоянием общестственности*. Так, еще девятнадцатый век, достаточно сдержан в повседневных установках на проявление переживаний с учетом различий в обеспеченной и образованной среде, где строго соблюдается этикет, и в среде народной, неграмотной и полуграмотной, где нравы гораздо более грубы.

Замкнутость и сдержанность рассматриваются в культурных кругах как момент хорошей воспитанности, утонченности, сложности внутреннего мира, который не выворачивается наизнанку перед каждым встречным. Люди четко ранжируются по степени душев-

ной близости и доверительности. Область интимно-личных душевных признаний это, скорее, область художественной литературы, искусства, потому такое потрясающее впечатление производят романы того же Ф.М.Достоевского, который делает зримыми самые тайные уголки человеческой психики, в том числе заводя разговор о стыдных, глубоко личных переживаниях. Это в некотором роде шокирует. Впоследствии читающую публику впечатлят художественные воспоминания М.Пруста, который шаг за шагом повествует о малейших движениях души, приближая читателя к разворачиванию своих любовных увлечений почти в реальном времени.

В современной телевизионной и сетевой реальности, напротив, предъявление своих переживаний самому широкому кругу слушателей стало считаться нормой. Возник обширный круг личностей, по совместительству, нередко называемых актерами, певцами, танцорами, деятельность которых состоит по преимуществу, в обнаружении подробностей своей личной жизни и собственных многообразных переживаний по поводу происходившего или происходящего ныне. Хотя подобную роль могут играть и обычные граждане, но они менее интересны зрителю, и им надо припоминать какие-нибудь уж совсем чудовищные свои личные истории, а при этом желательно рыдать и биться. Это участники разнообразных «шоу с душевным раздеванием» «люди для обсуждения» или «люди для сплетен». Они не просто посвящают публику в фактологию собственных отношений с другими, но повествуют в подробностях о своем первом шоке и первой слезе, а потом о второй и третьей. Ведущий умело задает вопросы, добиваясь до самых потаенных уголков памяти, рассказчики нагнетают градус, предаваясь деталям собственных эмоций, раскрывая

подробности душевных метаний, и все это является развлечением для многомиллионной аудитории. То есть, факт переживания нещадно эксплуатируется, *демонстративность* приносит организаторам и участникам доходы. Переживание-воспоминание деинтимизируется, теряет самооценку, становится спектаклем, искусственной формой самоподачи с целью заработка.

Несколько иную форму демонстрация переживаний получает в социальных сетях. Здесь в большинстве случаев речь не идет о заработке, но удовлетворяется потребность многих, в особенности, одиноких жителей мегаполисов в отреагировании эмоций. Люди размещают фотографии, рассказывают подробности как своих страстей, так и болезней, пишут исповеди, направленные не к близким, а «ко всему миру», оказываются «наедине со всеми». Правда, в ответ на эту обнаженность переживаний можно получить в ответ «от мира» насмешки и оскорбления, но тогда обидчика исключают из круга читателей и продолжают свой душевный стриптиз в более благорасположенном виртуальном окружении.

Хорошо все это или плохо? Прежде всего, это просто культурный факт, который, видимо, отвечает на назревшую в современном обществе потребность в массовой объективации переживаний и потреблении чужих эмоционально-заряженных воспоминаний, пусть даже в вульгарной форме телевизионных шоу.

Мода на переживания и ностальгия по ним

Как всякое явление культуры, тем более, культуры духовной, переживания могут становиться массово востребованными, модными,

или же уходить в тень и делаться неактуальными и даже подлежащими осуждению. Разумеется, в разных социо-культурных группах «мода на переживания» может не совпадать, но бывают и общесоциальные модные переживания, диктуемые «духом времени», эпохой. Так в предреволюционной России в кругу интеллигенции была явная мода на декаданс – безысходную печаль, упадочнические, усложненные, изломанные переживания и сильные иррациональные страсти, о чем нам говорят творческие имена Иннокентия Анненского, Константина Бальмонта, Федора Сологуба, Дмитрия Мережковского, Зинаиду Гиппиус, Валерия Брюсова. Конечно, можно искать и находить социальные и исторические основания доминирования, в том числе, в творческой среде того или иного типа мрачных переживаний: война, социальные противоречия и конфликты, общая тревожность обстановки. Однако, рождаясь как реакция на обстоятельства, переживание, начав циркулировать в авторитетных культурных кругах, становится *модой*: ему начинают подражать, его начинают разделять, ему следуют, даже если к тому нет прямых причин. Так, произведение И.-В.Гете[5] «Страдания юного Вертера» породило в свое время серию самоубийств на почве неразделенной любви, потому что «самоубийственные страдания» стали модой.

В сущности, такой же модой во второй половине XX века становится переживание «чувства абсурда», вызванное не только военными событиями, но и экзистенциальной философией, создавшей вокруг этого переживания ореол изысканного интеллектуализма. Этот абсурд уже в наше время хорошо описывает Ч.Тейлор, связывая его с процессом секуляризации: «Мы можем почувствовать, что сфера нашей повседневности стала сухой, плоской, холодной, безответной, что окру-

жающие нас вещи мертвы, уродливы, пусты, а те способы, какими мы пытаемся их упорядочить, организовать, оформить, чтобы жить среди них, лишены всякого смысла, красоты, глубины и значения. И пред лицом этого обесмысленного мира мы можем испытать своего рода «тошноту» [16 С.393]. Здесь очевидна отсылка к «Тошноте» Ж.-П.Сартра [15]. Мода на «тошнотворное мировосприятие» успешно пережила и 40-е и 50-е годы, триумфально шествуя по западному миру и прокладывая путь к иррациональности постмодернизма.

В то же время можно сослаться на мажорную тональность переживаний. характерных для многих российских людей в период после гражданской и отечественной войны, когда страна вновь отстраивалась, восстанавливала силы, укрепляла свои идеалы и утверждала свое единство. Этот бодрый настрой на позитивные переживания не могли подорвать даже сталинские репрессии, которые, конечно, пронизывали все слои социальной жизни и вносили момент трагизма в атмосферу победы и строительства. Впоследствии освоение целины, полет в космос, хрущевская оттепель тоже делали доминирующим и принятым, в этом смысле *модным*, переживание мира как открытого для победы справедливости, как располагающего к новым начинаниям, науке и поэзии. Разумеется, тон для массового сознания в немалой степени задавало искусство – этот великий организатор общественных настроений.

Современная тоска старшего поколения по советскому прошлому, это своеобразная *ностальгия* не только по политической и экономической стабильности, но именно по бодрым настроениям, позитивным переживаниям, всегда свойственным молодости, но вместе с тем - и по той атмосфере, которая сопровождала детство и юность нынешних

пожилых: образы светлого будущего и энтузиазм в его достижении.

К сожалению, многим современным людям мало знакомо переживание *радости*, не удовольствия, не злорадства, не наслаждения, не удовлетворенности, а именно радости – пребывания в состоянии глубокой осмысленности жизни и веселого душевного подъема. Даже если радость есть, она часто кратковременна, вспыхивает и тут же гаснет, а нередко и просто отсутствует. Между тем радость – важное человеческое переживание, хотя она есть и у животных, которые более непосредственны и не склонны себя огорчать поисками минусов, подозрительностью и застреванием на противоречиях. Конечно, у животных и радость – животная, хотя искренняя и яркая. Радость как переживание свойственна людям религиозно-мистического склада, способным чувствовать близость к божественному началу, являющему собой излияние чистой радости.

Интересная книга о переживании радости была ряд лет назад написана таким нетривиальным автором как Феликс Шмидель. В главке «Смысл и переживание» он пишет о том, что достижение в жизни любого осмысленного результата – «это достижение *переживания желаемого чувства* в собственном настоящем» [19 С.17]. И в следующей главке «Воля к радости»: «Человек находится в поисках смысла, потому что обретение смысла тождественно обретению радости. Можно сказать, что стремление к радости является основной личной потребностью человека, которую можно назвать волей к радости... Воля к радости – это и готовность к переживанию радости большей, чем непосредственно доступна в настоящем» [19 С.20]. Трудно не согласиться с автором, но драма в том, что большинство из нас чаще реализуют не менее сильную «волю

к страданию», и негативные переживания, как на это указывал в свое время Э.Фромм, доставляют извращенное удовольствие и даже дают чувство покоя. Если человек отождествляет себя с «образом страдальца», то переживание радости грозит ему потерей идентичности. Возможно, современная психотерапия, уже широко распространенная в нашей стране, призвана не только лечить неврозы и помогать в унынии, но, не в меньшей степени – учить радоваться тех, кто, быть может, еще не впал в зависимость от тягостных переживаний, но уже потерял детскую способность к радости. Переживать радость, быть радостным, жить в радости – поистине есть подлинное «умение жить».

Вместо заключения

Проведенный нами беглый обзор разных ракурсов бытования переживания в культуре обнаруживает следующее:

1. Переживания, являясь значимыми состояниями, служат основанием для *оценки социо-культурных качеств человека*: «у хорошего человека переживания хорошие, воспоминания социально-одобряемые, у скверного – переживания, которые должны быть подвергнуты осуждению». Эта характеристика связана с тем, что переживания являются состояниями, предваряющими последующее поведение, мотиваторами поступков, они готовят деятельность и подводят ее итоги перед следующими актами социальной активности.

2. Объективированные в традициях и ритуалах переживания выполняют роль *регуляторов*, которые организуют человеческие массы, сообщают им цель, направляют и стимулируют. Повторяемость переживания, объективированного в ритуале, неизбежно провоцирует его имитативные формы.

3. Переживания, выраженные в произведениях искусства – в театральных постановках, разного рода сценических действиях и шоу – выступают как огромное поле развлечения, отдыха, структурируют время, служат предметом любопытства и интереса. Специализация переживания как сугубо развлекательного феномена вносит в него момент вульгаризации и отчуждения исполнителей от демонстрируемых чувств и прокламируемых идей.

4. Переживания, ставшие модными, организуют мощные идейно-эмоциональные линии в культуре, одушевляют мировоззренческие убеждения самого разного свойства. Это те модели, по которым строится душевная жизнь миллионов.

5. Однако, все сказанное не отменяет того, что *субъективные, не обнародованные переживания*, существующие как в форме непосредственной данности, так и в виде повторяющегося воспоминания, *просто самоценны* и составляют важнейшую сферу индивидуального сознания, осуществляя «связь времен» личного бытия. Поэтому обретение культуры интимно-личных переживаний, в том числе осуществление «воли к радости» – важная внутренняя задача любого человека.

Список литературы

1. Васильюк Ф.Е. Психология переживания. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 200 с.
2. Выготский Л. С. Учение об эмоциях. Историко-психологическое исследование Собрание сочинений в 6 т. Москва: Научное наследство. Т. 6— 1984. С. 91-318.
3. Гадамер Г.-Г. Истина и метод. Москва: Прогресс, 1988. – 704 с.
4. Гайнутдин Р. Ислам: вероучение, поклонение, нравственность, закон. — Москва: ООО «Издательский дом „Медина“», 2019. — 728 с.

5. Гете И.-В. Страдания юного Вертера. Москва: Художественная литература, 1981. – 293 с.
6. Дильтей В. Наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. – №4. – 1988. – С. 135-152.
7. Зиммель Г. Избранное. Созерцание жизни Т.2. — Москва: Юрист, 1996. — 607 с.
8. Жуков Д.А. Стой, кто ведет? Т.2, Москва: АНФ, 2014. – 374 с.
9. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. Москва: Питер, 2001. – 752 с.
10. Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и эмоции: Конспект лекций. Москва: МГУ, 1971. – 38 с.
11. Лоренц К. Кольцо царя Соломона. Москва: Знание, 1970. - 224с.
12. Мелас В.В. Переживание и событие. Философские очерки. – Санкт-Петербург: Изд-во ВВМ, 2009. – 237 с.
13. Отто Р. Священное. Санкт-Петербург: Издательство С.-Петербургского университета, 2008. – 272 с.
14. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии //С.Л. Рубинштейн. Санкт-Петербург: Питер, 2002. 720 с.
15. Сартр Ж.-П. Тошнота //Сартр Ж.-П. Стена . Избранные произведения. Москва: Издательство политической литературы, 1992. – С.15-176.
16. Тейлор Ч. Секулярный век. Москва: ББИ, 2017. – 967 с.
17. Фрейд З. Недовольство культурой // Фрейд З. Психоанализ, религия, культура Москва: Ренессанс 1992. – С. 66-134.
18. Шелер М. Положение человека в космосе// Проблема человека в западной философии Москва: Прогресс, 1988, - С.31-95.
19. Шмидель Ф. Воля к радости. Москва: Новое литературное обозрение, 2012. – 208 с.
20. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории Т.2. Москва: Мысль, 1998. – 606 с.
21. Шюц А. Мир светящийся смыслом. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. — 1056 с.
22. Юнг К. Психологические типы. Санкт-Петербург: Ювента, Прогресс-Универс, 1995. – 716 с.

References

1. Vasilyuk F.E. Psikhologiya perezhivaniya [*Psychology of experience*]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1984. – 200 . (In Russian).
2. Vygotskii L. S. Uchenie ob emotsiyakh. Istoriko-psikhologicheskoe issledovanie [*The doctrine of emotions. Historical and psychological research*] Sobranie sochinenii v 6 t., Moscow, Nauchnoe nasledstvo. T. 6— 1984. 91-318. (In Russian).
3. Gadamer G.-G. Istina i metod [*Wahrheit und Methode*] Transl. from the German by B.N.Bessonov. Moscow : Progress, 1988. – 704 . (In Russian).
4. Gainutdin R. Islam: verouchenie, poklonenie , npravstvennost', zakon.[*Islam: Creed, Worship, Morality, Law*] — Moscow: ООО «Izdatel'skii dom „Medina“», 2019. — 728. (In Russian).
5. Gete I.-V. Stradaniya yunogo Vertera. [*The sufferings of young Werther*] Translated from the German by N.Kasatkina. Moscow : Khudozhestvennaya literatura, 1981. – 293. (In Russian).
6. Dil'tei V. Nabroski k kritike istoricheskogo razuma [*Sketches for the criticism of historical reason*] Transl. from the German by A. P. Ogurtsov.// Voprosy filosofii. (4). 1988; 135-152. (In Russian).
7. Zimmel' G. Izbrannoe. Sozertsanie zhizni [*Favorites. Contemplation of life*] in 2 V.Translated from the German by M.I. Levin, I.I. Makhankov, A.M. Rutkevich, E.M. Telyatnikova, A.F. Filippov, G.A. Shevchenko T.2. — Moscow : Yurist, 1996. — 607 . (In Russian).
8. Zhukov D.A. Stoi, kto vedet? [*Wait, who's leading?*] T.2, Moscow: ANF, 2014. – 374. (In Russian).
9. Il'in E.P. Emotsii i chuvstva [*Emotions and feelings*] Moscow : Piter, 2001. – 752.
10. Leont'ev A. N. Potrebnosti, motivy i emotsii: Konspekt lektzii. [*Needs, motives and emotions: Lecture notes*] Moscow , MGU, 1971. – 38. (In Russian).
11. Lorents K. Kol'tso tsarya Solomona. [*King Solomon's Ring*] Transl. by E.Panov M.: Znanie, 1970. - 224. (In Russian).
12. Melas V.B. Perezhivanie i sobytie. Filosofskie ocherki [*Experience and event. Philosophical essays.*]. – Saint Petersburg: Izd-vo ВВМ, 2009. – 237. (In Russian).

13. Otto R. Svyashchennoe. [*The Idea of the Holy*] Transl. from the German by A.M. Rutkevich. Saint Peterburg: Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta, 2008. – 272 s. (In Russian).
14. Rubinshtein S.L. Osnovy obshchei psikhologii [*Fundamentals of general psychology*] //S.L. Rubinshtein. Saint Peterburg.: Piter, 2002. 720 . (In Russian).
15. Sartr Zh.-P. Toshnota [*Nausea*] //Sartr Zh.-P. Stena [*Wall*]. Izbrannye proizvedeniya. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1992. – 15-176. (In Russian).
16. Teilor Ch. Sekulyarnyi vek [*A Secular Age*] Transl. By A.Vasiliev, L.Kolker, A.Lukyanov Moscow: BBI, 2017. – 967. (In Russian).
17. Freid Z. Nedovol'stvo kul'turoi [*Civilization and Its Discontents*] Translated from the German by A.M. Rutkevich // Freid Z. Psikhoanaliz, religiya, kul'tura [Psychoanalysis, religion, culture]. Moscow: Renessans 1992. – 66-134. (In Russian).
18. Sheler M. Polozhenie cheloveka v kosmose [*Die Stellung des Menschen im Kosmos*] Transl. from the German by A Filippov. // Problema cheloveka v zapadnoi filosofii [The Problem of Man in Western Philosophy] Moscow : Progress, 1988, -31-95. (In Russian).
19. Shmidel' F. Volya k radosti [*The will to joy*]. Moscow.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. – 208. (In Russian).
20. Shpengler O. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoi istorii [*The Decline of Europe. Essays on the morphology of World History*] In 2 V. Translated from the German by I.I. Makhankov T.2. Moscow: Mysl', 1998. – 606 . (In Russian).
21. Shyuts A. Mir svetyashchiysya smyslom [*A world glowing with meaning*] Transl. from V.G.Nikolaev, S.V.Romashko, N.M.Smirnova. Moscow .: «Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN), 2004. — 1056 p. (In Russian).
22. Yung K. Psikhologicheskie tipy. [*Psychological types*] Translated from the German by Sophia Loren, revised and supplemented by V. Zelensky . Saint Peterburg: Yuventa, Progress-Univers, 1995. – 716. (In Russian).

Поступила в редакцию 01.02.2022

*